

Вера Юдина

Человек ПОД МАСКОЙ ДЬЯВОЛА

Вера Юдина

Человек под маской дьявола

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8079492
Человек под маской дьявола/ Вера Юдина: izdat-knigi.ru;
ISBN 978-1-77192-040-7

Аннотация

Нужны ли слова, чтобы в очередной раз напомнить всему миру, о страшном кошмаре, пережитом нашими соотечественниками в годы Второй мировой войны? О тех ужасах, что творились в оккупированных нацистами странах? Но всем известно, что даже у самого страшного зверя есть сердце.

Анна хранила свою тайну до самой смерти, и лишь, когда ее начали покидать жизненные силы, она решилась открыться своей внучке, как две капли воды похожей на нее. Не боясь осуждения и желая только одного – обрести долгожданный покой, Анна называет имя отца своего единственного сына, рожденного сразу после окончания войны.

Посвящается моей прабабушке, Механошиной Валентине Павловне. Женщине удивительной судьбы, которую я запомнила добродушной и величаво спокойной. Она пережила Революцию, Красный террор, Сталинские репрессии и Вторую мировую войну. Она много рассказывала о своей судьбе, и мы часто часами не могли оторваться, слушая ее тихий, старческий голос. Но одну

тайну она унесла с собой в могилу, и даже спустя восемьдесят лет, мы так и не узнали, кем был тот великий человек, которого она любила всю свою жизнь, и кто подарил ей единственного сына.

Все действующие лица пересказанной истории вымышлены от начала и до конца. Любые совпадения случайны. Лишь некоторые из описанных событий имели место быть в действительности, о чем свидетельствуют многочисленные художественные и документальные произведения, дошедшие до наших дней. Настоящее произведение не претендует на звание исторического документа. Оно написано с одной лишь целью, напомнить всем, что не так давно пережили многие наши соотечественники и те несчастные, что пали жертвами зверств Вермахта. История посвящается взрослым, старикам и детям, которые так и не вернулись домой.

Страшно не то, что мы не хотим помнить. Страшно то, что мечтаем забыть!

Содержание

Предисловие	5
1. Анна	6
2. «Война началась!»	13
3. Плен	22
4. Семья, в доме напротив	37
5. Сестра	44
6. Смоленское гетто	52
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Вера Юдина Человек под маской дьявола

Предисловие

Все действующие лица пересказанной истории вымышлены от начала и до конца. Любые совпадения случайны. Лишь некоторые из описанных событий имели место быть в действительности, о чем свидетельствуют многочисленные художественные и документальные источники, дошедшие до наших дней. Настоящее произведение не претендует на звание исторического документа. Оно написано с одной лишь целью, напомнить всем, что не так давно пережили многие наши соотечественники и те несчастные, что пали жертвами зверств Вермахта. История посвящается взрослым, старикам и детям, которые так и не вернулись домой.

Страшно не то, что мы не хотим помнить. Страшно то, что мечтаем забыть!

1. Анна

Каждое лето, мы с родителями навещали маминых родственников, в Омске. Я никогда не забуду разнообразие блюд, за широким столом, в те дни, когда наша большая семья встречалась. У мамы было три брата и две сестры, и у каждого из них было по двое детей. Мы даже не всегда помещались, в, казалось бы, просторной гостиной, за довольно широким столом. Мы приезжали, готовился праздничный ужин, и созывались все родственники. И только один человек, всегда игнорировал наши шумные вечера. Анна Павловна. Моя прабабушка. Она, не смотря на уговоры, оставалась сидеть в своей комнате, не проронив ни слова в ответ на приглашение к столу. Я если честно никогда и не слышала, чтобы она, хоть с кем-то разговаривала и долгое время думала, что она страдает каким-то недугом.

От дедушки Германа, я знала, что его мама пережила войну и после навсегда замкнулась в себе. Он был ее единственным сыном. Даже дедушка Герман, не знал, сколько ей было лет. Она не скрывала свой возраст, просто не считала нужным озвучивать. Она вообще не считала нужным с кем-то разговаривать.

Мне было двенадцать лет, когда я впервые увидела, что она все же живой человек. Мы тогда приехали в Омск с очередным визитом вежливости, и родители уже вовсю суети-

лись на кухне, подготавливая дом к шумному празднику. Мы с другими детьми решили поиграть в прятки. Бабушкин дом был хоть и небольшой, но комнат в нем было много. Этот дом еще до войны и революции принадлежал бабушке Анне, правда после революции он значительно пострадал, и никто так и не набрался сил и времени привести его в порядок. Но нам же, детям было не важно, что крыльцо теперь не такое просторное, что северная часть здания, вовсе отсутствует, и что крыша над дальней спальней совсем прохудилась.

Началась игра. Считал Женька, младший сын старшего маминого брата. Он был практически моим ровесником, но в своей семье всегда считался малышом.

Едва он начал считать, как все быстро рассеялись по территории: кто в дом, кто в огород, кто в погреб, и только я, замешкавшись, осталась стоять на месте. Почему-то вдруг опомнилась в последний момент.

Времени не оставалось, я бросилась к разрушенной части дома, проскользнула в маленькую дверь, и, захлопнув ее за собой, попыталась отдышаться.

Я уже немного успокоилась и мысленно радовалась своей победе, ведь в эту часть дома запрещалось ходить и вряд ли они догадаются меня тут искать.

Комната, в которой я оказалась, была большой, но не уютной, слишком нагроможденной старыми вещами и мебелью. Будто весь хлам не нужный в доме, просто взяли и свалили в эту закрытую комнату.

На комодѣ я заметила одну единственную фотографию. Я подошла, взяла рамку и осторожно смахнула легкий слой пыли. На фотографии появились двое: маленький мальчик, лет пяти, с темными волосами и острыми чертами лица, и женщина, у которой он сидел на коленках. Я всмотрелась, и едва не выронила фотографию, вместо незнакомой женщины, на меня со снимка смотрела я, только старше и мудрее. Светлые волосы, печальные глаза и мягкие черты лица. Мне эта женщина показалась самой красивой на свете. Но было в ней что-то странное, то ли взгляд, то наклон головы, то ли легкая и неестественная улыбка, но я сразу поняла, что за всем этим скрывается глубокая печаль.

– Разве вам не доступно объяснили не заходить в эту часть дома, – слышался у меня за спиной строгий старческий голос.

Я обернулась. В старом кресле у окна сидела пожилая женщина. Это была Анна Павловна. Тогда мы встретились с ней впервые. Я знала, что она живет где-то в этой части дома. Но не знала, в какой именно комнате. Я начала оправдываться, что попала к ней случайно.

– Я заблудилась, – виновато солгала я.

Но она уже не слушала меня, она смотрела на меня так, словно увидела призрака. Мне даже показалось, что в уголках ее глаз блеснули слезы. Она задрожала и тихим голосом подозвала меня к себе.

Я подошла.

Она протянула ко мне свою морщинистую руку, и ее лицо вдруг обрело иные черты, оно смягчилось и просияло. Анна Павловна погладила меня по щеке, затем притянула к себе и прижалась своей морщинистой щекой к моим волосам.

– Как тебя зовут? – тихо спросила она. Она напугала меня.

– Аня, – ответила я.

Почему-то моя мама, едва я родилась, решила дать мне это имя. Не знаю, было ли оно связано с моей прабабушкой или оно просто нравилось маме, но все одобрили этот выбор, и я стала Анной Смирновой.

Тогда я почувствовала, как слезы упали мне на руку. Я отстранилась и посмотрела на старушку. Она плакала, пряча взгляд. Я протянула ей фотографию.

– Кто эта женщина? – тихо спросила я.

– Эта женщина – Анна фон Зиммер. – Подняв на меня взгляд, тихо ответила Анна Павловна.

– Я знаю ее? Она так похожа на меня...

– Эта женщина – я...

Она вновь прикоснулась рукой к моей щеке, на этот раз ее рука не дрожала. Анна Павловна сделала это с материнской нежностью и благодарностью. Я схватила ее морщинистую руку и крепко прижала. Мама никогда меня так не трогала, она всегда воспитывала нас с Гошкой в строгости и дисциплине, и считала, что доброта и ласка испортит наши характеры. Но Анна Павловна была другой. Почему же она всегда пряталась в этой комнате?

– Почему ты никогда не выходишь к нам? – спросила я.

– Потому, что мне нравится одиночество.

– Разве может нравиться одиночество? Разве тебе не скучно?

– Нисколько. В одиночестве я могу придаваться своим мыслям и воспоминаниям. Мне не бывает скучно.

Она продолжала смотреть на меня, с восторгом и нежностью.

– Мне говорили, что есть одна девочка похожая на меня. Но я не хотела верить.

– И мне мама говорила, что я похожа на тебя, – я показала снимок, – но если бы не увидела, не поверила бы.

Мы улыбнулись друг другу.

Вдалеке слышался мамин голос, она звала всех к столу. Я поднялась.

– Пойдем со мной! Собрались все твои дети и внуки, – позвала я ее. Она печально отпустила мою руку и опустила взгляд.

– У меня только один сын, за остальных детей я не несу ответственности.

Я удивлено посмотрела на нее, не зная, что сказать.

Мама позвала уже настойчивее, и мне пора было идти. Я хотела переубедить Анну Павловну и заставить ее выйти к нам, но она была слишком непреклонна в своем решении. Она только попросила меня дать обещание, заходить к ней почаще, в те дни, когда мы будем приезжать в Омск. Я дала

ей слово.

С того самого дня, каждый раз, едва я только приезжала в город, я первым делом бежала в комнату к своей странной бабушке и долгими часами, сидела у ее ног, слушая длинные рассказы о тех годах, что она пережила до войны. Она рассказывала о своих родных. От нее я узнала, что мой предок, был потомственным дворянином, но женился на немке, и это стоило им обоим жизней во время Революции. Узнала о детстве Анны Павловны, о ее молодости. Она с таким воодушевлением рассказывала мне о своей жизни, что каждый раз уходя, я начинала в ту же минуту тосковать по ее тихому голосу и душевным историям. Но было и то, о чем она неизменно молчала, то, что она закрыла на замок в памяти и никогда не извлекала на свет воспоминания об этом периоде. Я даже начала сомневаться помнит ли она сама обо всем, что было в ее жизни. Но она помнила...

Однажды я спросила ее.

– А где твой муж?

На что Анна Павловна надолго задумалась. Она просто отвернулась к окну и несколько минут хранила молчание, пока вдруг не решилась заговорить.

– Когда-нибудь я расскажу тебе эту историю. Однажды, когда придет мой час, ты узнаешь всю правду. А пока, наберись терпения, и помни, то о чем мы говорим с тобой в этой комнате, должно остаться только между нами.

Я кивнула.

Мне уже исполнилось двадцать три года, когда мама вдруг сказала, что Анна Павловна стала чувствовать себя хуже и очень просила чтобы я приехала и провела с ней последние дни. Я, недолго думая, собралась и вылетела в Омск. Несмотря на тяжелое состояние здоровья, она все также сидела в своем любимом кресле. Когда я вошла, она устало улыбнулась и рукой пригласила присесть, напротив, в заранее подготовленное для меня кресло.

– Пришло время, Анни, рассказать тебе правду, – начала она. – Я так долго молчала об этом. Так старалась скрыть свою тайну, но стоило мне увидеть тебя, и я поняла – что должна рассказать тебе все. Что только ты одна сможешь помочь, обрести нашим душам покой. Дай мне слово, что выполнишь мою последнюю просьбу.

Я была заинтригована, подалась вперед и взяла ее за руку.

– Да. Я сделаю все, что ты пожелаешь. Обещаю.

Тогда она откинулась на спинку и закрыла глаза, на щеке ее заблестели слезы.

– Мне кажется, что живу я, уже целую вечность... и не будет конца и края этой жизни... Я так устала, каждый год, каждый день, ждать, когда всевышний смилостивится, и заберет мою душу к себе... Разве не заслужили мы покоя?... Разве недостаточно молитв я вознесла к нему? Ведь я так устала... – она вдруг открыла глаза, посмотрела на меня и тихо добавила. – И он уже давно ждет меня, там... Знаешь, он всегда звал меня Анни...

2. «Война началась!»

*Войны ведут короли, но страдают от них
обычные люди.*

Я родилась в смутное время, 20 апреля 1923 года в Омске. Моя мать, была потомственная дворянка, отец офицером Царской армии. Они любили друг друга, и мы были счастливой семьей. Бабушку с дедушкой я видела только на портретах. Они умерли задолго до моего рождения.

Я была младшей дочерью, поздним ребенком. Всего нас в семье было шестеро детей. Одна из моих сестер, Ольга, еще до революции успела выйти замуж за представителя угасающего немецкого дворянства и уехала с ним в тогда еще спокойную Германию. Там она скончалась от чахотки, спустя два года. Мой старший брат Тихомир, служил в Новониколаевском полку. После Октябрьской революции, он примкнул к Сибирской армии, и на радость матери сражался на стороне Белой Армии. Я никогда его не видела, он погиб в сражении под Омском и много лет его фотография стояла в углу, в окружении икон, освещаемая мягким светом горящих свечей. От него остались только картины. Он очень любил рисовать.

Второй брат, Николай, его называли именем нашего Царя, и видимо судьба распорядилась его жизнью так же печально.

Он с самого рождения сильно болел. Сколько помню себя, он лежал в постели, наглухо укутанный одеялами и постоянно кашлял. Он умер в 30 годах.

В разгар Сталинских репрессий с родителями остались только три дочери: я, Татьяна и Соня. Наш дом мы потеряли сразу после революции и перебрались в маленькую квартиру в центре города. В детстве я никогда не видела нашего дома, но Таня часто рассказывала, какой он большой и красивый. Она всегда говорила, что однажды мы сможем вернуться домой. А пока мы вынуждены были тесниться в маленькой квартирке, с обшарпанными стенами и низкими потолками.

Те времена были смутными для бывшей царской России. Мы только учились осознавать, что рождены в Советском Союзе, и вся великая история нашей империи без остатка стерта безжалостной рукой революции.

Как раз в то время, когда по ночам проходил покос виновных и невиновных, мама учила нас с сестрами молчать: молчать о том, что Тихон, воевал за белых, о том, что родители благородных кровей, о том, что сестра покинула страну, и о том, что живем плохо... Именно в те годы, я научилась молчать. Мне было 11 лет. А я уже знала, о чем можно говорить, а о чем нельзя.

Осенью, 34 года, к нам пришли они. Ночью, словно воры, постучали в дверь. Бесцеремонно, в грязных сапогах, топтались по комнатам. Переворачивали все верх дном. А по-

сле обыска увели отца. Я до сих пор помню как дрожали его руки, когда он прощался с нами навсегда. Через несколько дней, так же, ночью, они забрали маму и Таню. Перед уходом, мама шепнула Соне: «Помни о моих словах».

Прошло еще два дня, когда к нам в дом неожиданно ворвался Сережка, сын одного из партийных деятелей нашего города. Он увел Соню на кухню и что-то долго ей рассказывал. Я всегда знала, что Сережа тайно влюблен в мою сестру. И все знали об этом, только Соня не догадывалась или догадывалась, но не подавала виду.

Когда Сергей ушел, Соня приказала мне собирать вещи. В тот же день, без предупреждения мы с ней бежали из города. Я до сих пор не знаю, сказал ли тогда Сергей ей правду о наших родителях или Соня просто опасалась за наши судьбы, но мы бежали.

Сергей помог нам достать билеты на поезд. После обеда мы сели на поезд и навсегда покинули город, в котором я родилась и выросла. Город, где мы были счастливой, большой семьей. Город, который подарил мне жизнь, но после отобрал все.

Первое время нам было сложно. Мы переехали в Смоленск, к Антонине Аркадьевне. В молодости она служила в доме маминых родителей и была очень сильно привязана к нашей семье. После революции она вернулась в родной город, где и продолжала жить в одиночестве, в убогой комнатенке, грязной, коммунальной квартиры. Тогда все так жи-

ли. Тогда, так было правильно, и никто не имел права жаловаться и сетовать на судьбу.

Соня работала на нескольких работах, чтобы хоть как-то прокормить нас. Я ходила в школу. Много читала, продолжала изучать иностранные языки. К окончанию школы, я свободно говорила на немецком и французском языках, но по молчаливому согласию с сестрой, никогда не афишировала своих знаний.

В 1941 началась война. Немцы наступили без объявления, и никто не знал, что следует ожидать от этого вторжения.

Лето было жарким. Немецкие войска наступали. Мы знали об этом. Обстановка в городе царила напряженная. Все только и говорили, о ситуации творившейся в Европе. О странах оккупированных немецкими войсками. И все в страхе ожидали того, что может случится в ближайшее время.

Однажды Саня прибежала с работы раньше, чем обычно. Она явно была встревожена.

– Соня! Что случилось? – спрашивала я сестру, пока она нервно собирала вещи.

– Война, Аня! Немцы наступают! Нас эвакуируют из города! Здесь небезопасно!

– Как эвакуируют? Всех? Но разве успеют?

– Может и не успеют. Но я знакома с одним майором, он поможет нам бежать из города вглубь страны. Туда, где безопасно.

Соня продолжала собирать вещи, а я вдруг ощутила дикое

желание остановить ее. Я дернула ее за руку и обернула на себя.

– Нет! Соня! Мы должны остаться!

– Что? – Соня изумленно посмотрела на меня. – Что значит остаться? Аня! Не сходи с ума! Здесь мы обречены...

– Соня! Я больше не могу так жить! В бегах... вечно прятаться... Мы должны остаться! Здесь может понадобиться наша помощь. Помнишь, мама рассказывала, что наша тетка во время Революции помогала раненым.

– Но она поплатилась за это своей жизнью!

– Да! Но она выполнила свой долг. Сколько жизней она спасла, прежде чем... ты понимаешь. Есть организация, я читала – Красный Крест. Добровольцы вступившие в него неприкосновенны. Мы сможем помогать раненым. Нам нечего бояться!

Соня не стала спорить со мной. Она знала, что это бесполезно. Она опустилась на стул и уронив голову на руки заплакала. Мой оптимизм так и не передался ей, она понимала, что мы обречены.

На следующий день мы пришли к ее знакомому майору, улыбчивому молодому парню, с задорной челкой и открытым взглядом. Он отвел нас к генералу, и с того самого дня, мы начали усердно трудиться в военном госпитале, наспех организованном в местной больнице. Нам выдали военную форму, юбку и пиджак песочного цвета, белую косынку с красным крестом, и повязку на руку.

Военные действия уже начались, и с фронта поступали первые раненные. Не помню, сколько времени мне понадобилось, чтобы освоиться. В первое время, возвращаясь, домой, я долгое время проводила в уборной, меня буквально выворачивало наизнанку, стоило мне вспомнить увиденное в госпитале. Позже я привыкла. И желудок мой хладнокровно молчал, словно рядом ничего и не происходило.

Однажды к нам в госпиталь привезли юношу. Молодой он был, не больше двадцати. Доктор Измайлов проводил обход, я сопровождала его, делая необходимые записи в медицинские карты. Когда мы остановились у постели раненого солдата, он поднял на доктора взгляд, в котором таилась глубокая печаль и нарочито весело спросил.

– Ну давайте доктор, выносите свой вердикт. Я смогу вернуться на фронт?

Доктор Равви Евсеевич откинул окровавленное одеяло, и я едва не вскрикнула, вместо ног у парнишки остались две культяпки. От обильного кровотечения и без должного ухода они начинали гноиться, источая ужасный запах умирающей плоти. Меня снова вырвало, прямо в стоящую у постели утку. Доктор Измайлов с укором посмотрел на меня.

– Ступай лучше, займись перевязками. – С отцовской заботой сказал он, и я поспешила бежать.

Вечером, на обходе, я намеренно подошла к тому самому юноше. Присела на край его койки и осторожно потрепала за плечо.

Он не спал. Открыл стеклянные от сдерживаемых слез глаза и устало посмотрел на меня.

— Я могу вам чем-нибудь помочь? — тихо спросила я.

— Покурить. — Попросил он.

Я бросилась на улицу, поймала первого попавшегося солдата и требовательно попросила у него папиросу. Он явно удивился, но узнав мою форму, с дружелюбной улыбкой протянул папиросу и спички.

— Нервишки? Понимаю. Не все справляются.

— Я справлюсь! — ровно ответила я, и бросилась обратно в госпиталь.

С каким удовольствием тот несчастный скурил свою последнюю папиросу. В темноте только мелькал яркий огонек и слышалось тихое шипение. Я терпеливо выдержала неприятный мне запах табачного дыма, и когда он закончил, задушив папиросу, бросила в урну, скрывая следы своего преступления. Пожелала солдатику спокойной ночи и ушла домой. Моя смена закончилась.

В ту ночь, он застрелился из винтовки, которую все время прятал под матрасом. Это была первая смерть, которой я заглянула в лицо. Я не знала кто он и откуда, но в тот день мне показалось, что я потеряла самого близкого человека.

Дни сменялись днями, раненные поступали с пугающей регулярностью, и мы зачастую не успевали вовремя оказывать помощь. Они умирали у нас прямо на руках. Мы как могли, старались облегчить им последние минуты, рассказы-

вая оптимистичные истории о будущем.

Когда немцы были уже под городом, дорога до дома становилась все опаснее. Но каждый день, мы поднимались ни свет ни заря и шли по пустынным улицам на службу.

В июле Соня вновь прибежала домой встревоженная.

– Уходим! – крикнула она с порога. – Наши отступают. Больше сражаться нет смысла. Собирайся, надо бежать! Все теперь потеряло смысл.

– А доктор Измайлов? – решительно спросила я. Сестра посмотрела на меня как на безумную.

– Он остается в госпитале.

Я стояла в дверном проеме кухни, в нашей опустевшей после начала обороны, квартире. Услышав об отступлении, в моем сердце вспыхнула ярость. Как мы могли? Бежать? Когда враг стоит у порога. Я развернулась и ушла на кухню. Налила себе кружку чая, как обычно, без сахара. И встала у окна.

Соня вошла следом за мной. Тихо остановилась рядом она положила мне руку на плечо.

– Аня, о чем ты думаешь? – строго спросила она, прекрасно зная мой ответ.

– Я остаюсь. – Не глядя ей в глаза ответила я. – Ты можешь ехать. А я должна остаться. Мы не можем их оставить в такой час. Мы их последняя надежда.

Соня в отчаянии опустила на табурет и заломила руки. Несколько мгновений, ровно столько сколько требуется сде-

лать вдох и выдох, она молчала. Затем вдруг поднялась, и отрешенно глядя в сторону сказала:

– Я остаюсь с тобой. Надеюсь, ты понимаешь, что губишь нас.

Она вышла. А я тогда еще не осознавала, что в минуту ее отступления, в тот самый миг, когда она сдалась и приняла решение остаться со мной, я подписала ей смертный приговор. Обрекла на самые ужасные и бесчеловечные страдания, на смерть позорную в страхе. Именно в тот день, ни война, и ни фюрер с его мечтами об идеальном мире, а я... я – убила свою сестру.

3. Плен

*У истории свой путь, и он усеян могилами
нацифистов.*

(Пол У. Андерсон «Полет в вечность»)

Еще несколько дней длилась осада Смоленска. Повсюду слышались выстрелы и крики. В громкоговорители, немцы с особым удовольствием вещали: «Русские, сдавайтесь, любое сопротивление бессмысленно!» Бежали люди, горели дома, немцы были уже в городе. Из жителей осталась лишь малая горстка людей, продолжающая держать оборону. Мы уже не возвращались домой, а целыми днями дежурили в госпитале, спали на матрасах за ширмой, и питались остатками больничного пайка. Все мы знали, что оставшиеся обречены на смерть, но отчаянно продолжали верить, что скоро придет помощь. Что в город войдут войска Советской Армии, и немцы побегут поджав хвосты, а мы споем гимн победы. Это была иллюзия веры в своего вождя, иллюзия своей значимости для СССР. Время шло, дни сменялись днями, а спасти нас никто не спешил.

В тот день, когда немецкие войска окончательно заняли город, из медицинского состава остались только я, моя сестра и доктор Измайлов. Мы были единственными, кто не пожелал покинуть госпиталь. В госпитале оставались тяжело

раненные солдаты, всех офицеров вывезли первым эшелонном, и оставлять их на верную гибель казалось самым тяжким преступлением.

Я сидела у постели совсем юного солдатики из Брянской области. Он был одним из первых завезенных в госпиталь, после операции он лишился правой руки и части внутренних органов, но несмотря на столь тяжкие увечья, бойко цеплялся за жизнь.

– Наступают? – не скрывая злости спросил он. Я кивнула.

– Ироды. Но ничего, наши братья отомстят за нас.

– Тише, Сеня, – я ласково пригладила его колючие волосы. – Они же не звери. Раненных не тронут...

– Конечно не тронут. – Хитро улыбнулся Сеня, и достал из-под подушки, украденный на фронте, пистолет. – Я живым им не дамся. Мы еще повоюем.

Я мягко улыбнулась. Сеня всегда был настоящим бойцом. Он часто рассказывал мне, что ушел на войну вместо престарелого отца. Дома у него остались, родители, две сестры и маленький племянник.

– Если бы ушел батя, кто бы помогал им по хозяйству. – Важно говорил он. – Меня бы все равно потом забрали, год, два, ничего не изменит. А так, они хоть не одни и я спокоен. А там уж и Егорка подрастет...

Я часто улыбалась, слушая его рассказы о доме.

Они все любили рассказывать мне о своих семьях, о том, кого оставили в родных краях. А я часами слушала, и вспо-

минала свою жизнь. Я родилась в трудное время и возможно никогда уже не увижу жизни иной. Жизни свободной.

В тот день, город на удивление затих. Не слышно было больше выстрелов и взрывов, город словно вымер. И вдруг по улицам загромыхали тяжелые машины, и немецкие солдаты запели свою веселую песню, ознаменовавшую победу.

– Вот и все, – печально произнес Сеня.

Я боялась подойти к окну, и увидеть жестокую правду.

– Сколько тебе лет? – вдруг спросил он.

– Восемнадцать.

– Совсем еще девчонка. А как оказалась здесь? Сидишь тут, возишься с нами... я ведь не жилец уже, а тебе жить бы и жить.

– Поживу еще, – улыбнулась я. – И ты поживешь. Наступят другие времена.

Он лишь усмехнулся.

Мы как раз заканчивали с перевязками, когда с жутким грохотом распахнулась входная дверь, и на пороге возникла группа немцев в серо-зеленой форме. Они нахально, прошли внутрь. И начали стаскивать больных с коек. Кто-то стонал, кто-то пытался сопротивляться, тогда их расстреливали на месте. После второго выстрела, я не выдержала и бросилась к ним.

– Не стреляйте, они не причинят вам вреда!

Я, не задумавшись, произнесла свою просьбу на немецком, чем привлекла особое внимание одного из немцев. Он

был на голову вышел остальных офицеров. Поймав мой вызывающий взгляд, он подошел, и, нависая примерно на голову выше, насмешливо спросил:

– Русская?

– Да! – гордо ответила я.

– Пойдешь с нами. – Заявил он, и бросил взгляд своим солдатам.

Меня схватили за руки и потащили к выходу. За спиной я услышала выстрел, затем громкие крики и ругань на немецком. Я обернулась и через плечо увидела, что один из офицеров лежит на кафельном полу, в луже собственной крови. И в тот же момент, открылся огонь. Я поняла – всех раненых расстреляли. Тогда меня поразила жестокость захватчиков, но я не могла ничего сделать, только слезы побежали по щекам. Я не знала, куда меня ведут и какая судьба меня ожидает.

На улице я не сразу увидела доктора Измайлова. Среди группы захваченных солдат, охранявших наш госпиталь, Измайлов, несчастный и загнанный, прижимая к себе мою сестру, сидел у колес немецкого грузовика. Лицо его было в крови, халат изорван. Соня тихо всхлипывала у него на плече. Увидев меня, она подняла голову и радостно крикнула:

– Аня!

В тот же момент, один из офицеров со всей силы пнул ее под бок лакированным до отвратительного совершенства сапогом. Измайлов попытался возразить и возмутиться, но

получил удар сапогом по лицу.

Я дернулась к сестре, крепкая рука эсэсовца большее жала мои волосы, и он резко дернул меня назад.

– Там моя сестра, – воскликнула я. Эсэсовец усмехнулся.

Измайлов попытался поднять голову и скорбно произнес:

– Наступит время и вы за все ответите.

Солдат не понял обращенного к нему пророчества, но вновь пустил в ход свой лакированный сапог, насмешливо фыркая и приговаривая:

– Молчать грязная свинья.

Соня пристально посмотрела на меня и еле пошевелила губами.

Я не смогла разобрать, что она говорит, но поняла – она спрашивала куда меня ведут. Я пожала плечами.

– Я найду тебя, – тихо ответила я.

Меня увели, а Соня осталась сидеть под защитой доктора Измайлова. Он обнимал ее словно родную дочь, крепко прижимая ее голову к своему плечу, и я убедила себя, что оставляю сестру в надежных руках. Разве знала я тогда, несмышленная, что нет ненавистнее для эсэсовцев расы, чем иудеи. Разве знала я, что сестре моей было бы безопаснее в объятиях дьявола, нежели в компании с евреем. Разве могла я знать, что в цивилизованном мире, люди способны на подобные преступления...

Мы шли по улицам, Смоленска, некогда живым и приветливым, и я с ужасом отмечала произошедшие с городом, за

столько короткий срок, изменения. Повсюду сновали вооруженные эсэсовцы, насмешливо демонстрируя городу свое эфемерное величие. В одной из подворотен я заметила оживление. Вопреки приказу своего конвоира – смотреть прямо, я бросила взгляд через плечо. Несколько людей, в лощенной немецкой форме, прикладами избивали несчастного старика, который молча принимал настигшую его кару. Он явно не понимал, в чем провинился, и чем заслужил подобное обращение, и лишь прикрывал руками лицо. Тогда я впервые осознала, что те кто вторгся на нашу землю, не были людьми, впервые я увидела зверей, в человеческом обличий. Мне так хотелось броситься к ним и закричать:

– Что вы делаете? Так нельзя! Это не правильно.

Но я покорно отвернулась, боясь навлечь на себя гнев своего надзирателя.

Меня привели в большой дом, наверняка прежде принадлежавший какому-нибудь партийному деятелю или ученому. На входе нас встретил молодой офицер. Он сразу вызвал во мне отвращение, холенный до отвратительного, с гладкими белыми волосами, зачесанными назад, гладкой ровной кожей, со свежем румянцем на щеках. Его взгляд напоминал взгляд змеи. Его звали – Рихард. Придирчиво осмотрев меня, он надменно спросил:

– Красный крест?

– Да. И мне кажется ваши люди забыли о нашей неприкосновенности.

Мои слова видимо рассмешили его, он растянулся в нахальной ухмылке. И проигнорировав мое заявление, дерзко спросил:

– Готовить умеешь? – Да.

– Учила немецкий? – Да.

– Замечательно, значит проблем не возникнет.

Его наглость поражала, и я предпочла промолчать.

Офицер подозвал пожилую женщину, крутившуюся у него за спиной и приказал отвести меня на кухню. Я покорно последовала за женщиной, не желая создавать лишние проблемы. Ее звали Маруся, и как оказалось, ее проблемы начались в тот момент, когда я переступила порог этого проклятого дома. Они привезли ее с маленькой деревушки и долгое время она прислуживала генералу, в дом которого меня привели.

Едва мы оказались на кухне, Маруся поймала меня за руку и прошептала:

– Эти звери сожгли мою деревню, никого не оставив в живых. Для них нет ничего святого. Но если ты будешь слушаться, то может повезет, и выживешь.

Ее слова не напугали меня.

– Куда они отправляют пленных?

– Пленных? – удивленно воззрилась на меня Маруся. – Они не берут пленных. Разве ты не знаешь?

Ужас сковал мое сердце.

– Моя сестра... она была в госпитале, когда они пришли.

Маруся пожала плечами.

— Тогда может не тронут. Вы же Красный крест. Не настолько же они глупы.

Но ее слова не успокоили, а еще больше разожги нарастающее во мне волнение. У меня было еще много вопросов, но в этот момент вошел Рихард и бросил злобный взгляд на Марусю. По выражению ее лица, я поняла, что жизнь в этом доме будет далеко не сладкой. И едва Маруся наспех передала мне правила царившие в доме, Рихард грубо схватил ее за руку и толчками погнал к выходу. Я даже не успела с ней попрощаться. Как позже я узнала, ее бедой стало то, что она не знала немецкого. Это стоило ей жизни.

После ухода Маруси, все обязанности по дому, уборка, стирка и готовка легли на меня. С первого дня, я явно ощутила свое положение. Рихард оказался настоящим тираном. Он ежеминутно следил за тем, что и как я делаю, казалось, что в доме у него не было других обязанностей. Если вдруг мне случалось ошибаться и затянуть с чем-то, меня сразу ожидало неминуемое наказание. Иногда он бил меня палкой, но больше руками, во время своих издевательств Рихард любил насвистывать Венский вальс, Штрауса. С каждым разом, побои становились все сильнее, а его насвистывание громче. Видимо для того, чтобы заглушить мои крики. На третий день, когда тело мое было сплошь покрыто ссадинами и сине-желтыми пятнами, я твердо решила сдерживать слезы, и молча сносила его издевательства. В скором времени он

сломал мою волю, и я уже забыла думать о том, что можно совершить побег. Во мне поселился страх.

Спустя неделю, едва привыкнув к своему новому образу жизни, я впервые увидела, своего хозяина, генерала артиллерии вермахта, руководившего осадой Смоленска. Он был одним из тех, кого после войны назовут Дьяволом вермахта. Но тогда он еще был молод, слишком молод для генерала и не смотря на свой внешне устрашающий вид, красив, дьявольским очарованием. Его звали Генрих фон Зиммер. Высокий, статный мужчина, с короткой стрижкой и холодным взглядом.

Он никогда не заходил на кухню, брезгуя общением с рабами, коими эта высшая раса нас считала. Обычно генерал присылал ко мне своего секретаря. Поэтому я была искренне удивлена, когда однажды он вошел и бросил на меня любопытный взгляд. Лицо его не выражало отвращения, но я заметила легкую насмешку в его глазах. Он упивался властью полученной над людьми. Он наслаждался нашими слабостью и страхами. Я стояла у плиты, в стареньком платье, доставшемся мне от прежних хозяев дома, и в чистой косынке, под которой всегда прятала свои волосы. Руки мои были по локоть в муке, я пекла хлеб.

– Сегодня у меня будут гости. Ужин должен соответствовать. Понимаешь? – властно сообщил он.

Я кивнула, и тыльной стороной ладони провела по своей щеке. Я продолжала смотреть на него, а он вдруг улыбнулся,

едва заметно, только натянулись уголки его губ, но я поняла, что это была улыбка. Он подошел ко мне, и осторожно, своей холеной рукой смахнул с моей щеки оставшийся от муки след. Я смутилась и опустила голову. Он довольно хмыкнул, развернулся на каблуках и по-военному вышагивая вышел.

Когда он ушел, я заметила книгу. Большая поваренная книга, написанная на немецком языке. Он оставил ее для меня, чтобы я могла приготовить по-настоящему королевский ужин.

К обеду принесли необходимые для ужина продукты. У меня ушло несколько часов на подготовку. Когда дом наполнился дерзкими и самоуверенными немцами, в серых мундирах, стол был уже сервирован. Появились приглашенные для обслуживания офицеров люди. Они суетливо сновали из кухни в столовую, совершенно не обращая на меня внимания. Меня поражала их покорность, но я понимала, что за короткий срок, сама стала такой же. Мы были словно безропотные слуги деспотичного хозяина и все боялись расправы. Несмотря на воцарившуюся в доме суматоху, я была безмерно рада, этой случайной возможности увидеться со своими соотечественниками. И едва появлялась возможность, я украдкой выпрашивала о событиях творившихся в городе. Из коротких фраз, брошенных тайком, я узнала, что в городе появились плакаты, на которых крупными буквами было написано: «Всем евреям незамедлительно, с вещами явиться в гетто». Ниже красовалась схема маршрута с указанием

места с названием: Садки. Тех, кто не являлся добровольно, забирали и увозили силой. Началось гонение русских евреев. Тогда это еще не казалось трагедией. Никто и не догадывался о том, что случится дальше.

Я пыталась что-то узнать о судьбе Сони, но все пожимали плечами. В те времена судьба одного человека, мало волновала угнетенную массу. Все думали только о том, как выжить и спастись самим.

Когда ужин закончился и гости переместились в элегантно оборудованную гостиную, нанятый люд покинул стены нашего дома. Я вновь осталась одна.

Устав после долгого дня, я отправилась в свою комнату и легла. Из комнаты наверху, доносились громкие голоса и мерзкий, на мой слух, скрипучий смех. Приглушенно играла музыка, я не могла разобрать какая именно, но слышала как немцы радостно подпевали. Табачный дым проникал в мою комнату, несмотря на плотно закрытые двери. Даже открытое настежь окно, не могло выветрить этого жуткого запаха.

Я уже начала дремать, когда дверь в мою комнату тихо отворилась. Я проснулась, но глаза открывать не стала. Наверняка, один из гостей заблудился и по ошибке забрел в эту часть дома. Я лежала чуть дыша, ожидая, когда дверь закроется. Боясь пошевелиться и привлечь к себе внимание. Дверь закрылась. Я открыла глаза. За окном белела полная луна и ее свет, слабо освещал мою комнату. Я уже собиралась подняться и закрыть окно, как вдруг заметила черную

ть,двигающуюся к моей кровати. Я снова застыла. Я не могла рассмотреть своего гостя, но понимала, что он видит меня вполне отчетливо. Сердце мое сжалось от неизвестного страха. Тень двигалась бесшумно, а я все сильнее сжималась боясь даже представить, что сейчас может произойти. Глаза мои были широко раскрыты, и я с усилием всматривалась в темноту, пытаясь опознать своего гостя. И вот он вышел в свет, падающий из окна и я узнала Рихарда. Не зная следует ли мне сейчас ожидать новых побоев, я села и обхватила себя руками.

Он заметил это и замер. Я не видела выражения его лица, но на миг мне показалось, что в лунном свете хищно мелькнули его змеиные глаза.

– Что-то случилось? – осторожно спросила я.

В этот момент тучи закрыли собой луну и моя комната погрузилась во мрак. Рихард бросил быстрый взгляд на окно, хищно улыбнулся и приблизился. Видимо темнота была ему на руку.

– Нет. Я пришел пожелать тебе спокойной ночи. – Слишком приветливо ответил он.

Я насторожилась, схватила одеяло и накинула себе на ноги.

Рихард жадным взглядом проследил за моими действиями и облизнулся. Я сама не знаю, как поняла, что именно за опасность исходит от него, но я вскочила с постели и закричала:

– Не смей прикасаться ко мне!

Рихард бросился на меня и грубо толкнул на кровать. Я закричала что было силы, но он грубо зажал мне рот ладонью и придавил тяжестью своего тела. От него несло алкоголем и табаком. Меня едва не стошнило от отвращения.

Я начала задыхаться. Я брыкалась и отбивалась, пытаюсь столкнуть с себя его гнусное тело, но он был слишком силен, а я слишком слаба. Я даже попыталась укусить его за руку, но он не почувствовал этого, а только сильнее зажал мне рот. Он уже разорвал пуговицы на моем платье и свободной рукой добрался до нижней сорочки, когда дверь в комнату с грохотом распахнулась и на пороге появился Генрих. Зажегся свет.

Генрих был в брюках и расстегнутой до пояса белой рубашке. Волосы его были взъерошены, в руках он держал пистолет. Не долго думая, он поднял руку и направил оружие на Рихарда.

– Отпусти ее, – жестко приказал он.

Рихард нехотя выполнил его приказ и резво поднялся, застегивая брюки. Я в страхе стянула края разорванного платья и забилась в угол кровати, неподвижным взглядом следя за тем, что будет происходить дальше. Меня всю трясло от пережитого страха, но я старалась не шевелиться, боясь привлечь к себе лишнее внимание. Я не знала, зачем пришел Генрих: спасти меня, или от него мне стоит ожидать еще большей беды.

– Пошел вон, – грубо приказал Генрих, убирая пистолет в карман.

Он сделал шаг в сторону, пропуская Рихарда и перед тем как тот вышел, сухо бросил ему:

– Еще раз увижу тебя здесь, ты знаешь, на что я способен.

В тот день, я обрела самого своего злейшего врага. До конца своей жизни, Рихард, так и не сможет простить мне событий той ночи. Он пронесет свою ненависть через все годы войны.

Вопреки моим ожиданиям и страхам, Генрих бросил на меня холодный взгляд и сухо спросил:

– Ты в порядке?

Я нервно кивнула, натягивая одеяло себе до подбородка. Тогда Генрих в задумчивости, рукой провел по своим волосам, слегка качнулся, он видимо был пьян, и выключил свет. Уходя, он плотно закрыл за собой дверь. Я осталась сидеть в темноте, меня всю трясло от внутреннего напряжения. Я отчетливо осознавала, что всего несколько минут назад, избежала самого большого кошмара в своей жизни.

В ту ночь я не спала, внимательно прислушиваясь к каждому звуку, доносящемуся из глубины дома. Я даже придвинула к двери тяжелый комод, надеясь, что каким-то образом он сможет остановить новое вторжение.

К утру, измотанная бессонной ночью, я поднялась, наспех починила испорченное платье. Умылась и вышла из комнаты. После веселой вечеринки, устроенной немецкими офи-

церами, дом напоминал хлев. У меня ушло немало времени, прежде чем я закончила с уборкой и приступила к готовке. К обеду на кухне появился Рихард, смерил меня презрительным взглядом, забрал поднос с завтраком для генерала и направился его будить.

Он не извинился, но и не набросился на меня, поэтому я решила, что конфликт улажен. Сто же дня прекратились побои и издевательства. Рихард затаился и наконец-то оставил меня в покое.

4. Семья, в доме напротив

*Кто берет – наполняет ладони, кто отдает –
наполняет сердце.*

Однажды я узнала, что в доме, напротив, в подвале, обитает целая еврейская семья. Меня поразила их отвага – жить прямо под носом у врага, в то время как их собратьев отлавливали словно животных и сгоняли за колючую проволоку. Долгое время, неизвестной семье удавалось оставаться незаметной. Видимо немцам просто не приходило в голову, что кто-то может пойти на такой рискованный шаг. Несколько раз, я видела как мальчишка, один из сыновей пожилой еврейской пары, осторожно оглядываясь выбегает из своего укрытия и отправляется в город на поиск пропитания. Часто он возвращался домой в побоях, и без еды, но в большинстве случаев, его вылазки приносили успех. Я решила помочь ему. Я незаметно ускользнула с кухни и перешла через дорогу. Остановилась в нескольких метрах от тайного входа и стала ждать. Вскоре, в узком лазе появилась маленькая черная головка. Мальчик бегло осмотрелся и выскочил из своего укрытия. Отряхнулся и смело заправив руки в карманы своих потрепанных брюк, пошел по направлению главной улицы. Я последовала за ним.

Отойдя на приличное расстояние от дома генерала, я до-

гнала мальчика и тронула за плечо. Он испуганно сжался, но все же обернулся.

– Чего тебе? – смело спросил он, смиряя меня любопытным взглядом, и видимо он узнал меня, так как лицо его вдруг натянулось, а руки в карманах напряглись. – А, это ты...

Я услышала презрение и ненависть в его голосе. Он знал, что я работаю в доме врага, пусть и не по своей воле. Я протянула ему ломоть хлеба и кусок сыра. Мальчик смерил меня хмурым взглядом, в нем боролось чувство долга перед умирающей от голода семьей и ненависть ко всему что связано с гонителями его народа. После недолгих раздумий, он все же принял решение. Протянул руку, и схватил скудный паек. Быстро пихнул его в карман и собирался уйти. Я остановила его.

– Я могу оставлять для вас еду. В доме генерала много продуктов, думаю, он не заметит. – Я говорила ласково, боясь спугнуть ребенка.

Он нахмурился, недовольно поморщился, но понимая, что получая еду от меня, сможет избежать множества проблем, согласно кивнул.

Я просияла от радости, что хоть как-то смогу помочь этим несчастным людям.

– Каждое утро, я буду выносить вам корзину с провизией, и оставлять в разрушенном доме, справа от вашего убежища. Корзинку буду забирать вечером. Если вдруг вам пона-

добиться что-то еще, просто оставь в корзинке записку.

Мальчишка кивнул и мы разошлись. С того дня, я стала пособницей евреев. Каждое утро, я собирала скудный паек для неизвестной мне еврейской семьи. В него входило: несколько отварных яиц, бутылка молока, хлеб, и глиняный горшок, с оставшимся после ужина жаркого или супа, когда появлялась возможность, я докладывала в корзину сыр, творог или масло, но часто делать этого не могла, так как в нашем доме кисло-молочные продукты были такой же редкостью.

Утром, вынося мусор, я относила корзину с едой в уговоренное место, а вечером, отправляясь за молоком, корзину забирала. Делала я все это настолько незаметно, что ни разу не привлекла внимания Рихарда или охраны.

Однажды в корзине я нашла золотое украшение. Кулон на золотой цепочке, в виде розы, с инициалами «О.Ф.». Я вернула украшение с утренней посылкой, в записке написала, что благодарностью будет здоровье неизвестной мне семьи. Больше подарков они не присылали.

Так продолжалось почти месяц. Тогда я еще не знала, обо всех ужасах, что творились в гетто, и не могла понять истинной угрозы, нависшей над неизвестной мне семьей. Я слышала, что немцы сгоняют евреев, но не могла поверить, что положение несчастных настолько ужасно.

В один из дней, когда я по привычке пришла в уговоренное место, для того чтобы забрать пустую корзинку, я об-

наружила ее нетронутой. Сердце мое кольнуло дурное предчувствие и я решительно направилась прямо к тайному входу в убежище. Стоило мне проскользнуть в узкий проход, скрытый руинами едва не развалившегося здания, как я сразу почувствовала дурной запах. Я не смогла опередить его природу, он не был мне знаком. Но едва я спустилась по узкой лестнице вниз, в самую глубину подвала, как этот запах мгновенно обрел свои черты – это был запах смерти, смесь крови и пороха. Вся семья лежала грудой сваленная в темном углу, в луже крови. Женщина, мужчина, три девочки и грудной малыш. Все вместе они напоминали одну бесформенную кровавую массу. Зажав рот рукой, сдерживая рвотные позывы, я выбежала из этого ужасного места. Оказавшись на воздухе, я глубоко задышала и почувствовала, как слезы обожгли щеки.

Вернувшись в дом, я спряталась в своей комнате и проплакала несколько часов подряд, до наступления сумерек.

Когда стемнело, я привела себя в порядок, несколько раз умывшись холодной водой, надеясь снять припухлость глаз, и вышла на кухню.

Ужин был готов вовремя, но находясь в состоянии апатии, я сожгла отменный кусок свинины, и не доварила картофель. Наспех сервировала поднос и позвала Рихарда. Когда Рихард унес поднос с едой в столовую, я занялась приготовлением чая, Генрих был любителем чайных церемоний, которыми заболел в путешествии по восточным странам, и я

должна была четко следовать записанным на листок бумаги инструкциям, чтобы не разочаровать его.

Все уже было готово, когда дверь на кухню распахнулась и на пороге появился разъяренный Генрих. В руке он держал блюдо со своим ужином. Я мало знала этого человека, и тем более никогда не видела его в ярости. Поэтому замерла на месте, не понимая чего от него можно ожидать.

Не долго думая, он замахнулся и тяжелая тарелка, с нетронутой едой, полетела в мою сторону. Я успела поднять руку, тарелка с треском врезалась в локоть, обжигая резкой болью и с грохотом упала на пол.

– Картошка сырая! – грозно проревел Генрих, сверкая глазами.

Я почувствовала, как земля уходит у меня из-под ног, и мир вдруг перестал вращаться. Я поняла – вот он мой час. Хозяин не доволен, и меня ждет наказание. Вся жизнь промелькнула у меня перед глазами, детство, семья, друзья, Соня... Я вдруг вспомнила о сестре, которую никогда больше не увижу.

За спиной Генриха, я заметила Рихарда. Он стоял в шаге от него, и злобно усмехался. Словно преданный пес, он предвкушая расправу, ждал команды хозяина, готовый в любую минуту сорваться, подлететь ко мне и разорвать на мелкие кусочки. Но вопреки моим самым страшным ожиданиям, Генрих лишь недовольно нахмурился.

– Ты можешь успеть исправить свою ошибку, пока я еще

не сильно голоден, – бросил он, и вышел.

На лице Рихарда отразилось недоумение, хозяин сменил гнев на милость. Рихард едва язык не прогладил от разочарования, вновь смерил меня взглядом: означающим – просто еще не время. И покорно поспешил за Генрихом.

Через час я вновь сервировала поднос, предварительно проверив все на вкус, и позвала Рихарда. Вторая попытка увенчалась успехом, я приготовила чай, и прибравшись на кухне ушла в свою комнату. Только там, я заметила, что моя одежда, насквозь промокла от липкой крови. Я стянула платье, оставив его болтаться на поясе и подошла к зеркалу. Кровь уже остановилась, но на коже виднелся глубокий порез, вокруг которого корочками торчала засохшая кровь. Я оторвала кусок от висевшего на гвозде полотенца, и попыталась смыть кровь холодной водой. Было невыносимо больно, но собрав все силы, я закусил губу, едва сдерживая слезы.

Скрипнула дверь, я обернулась. На пороге стоял Генрих. Я машинально закрылась руками, надеясь скрыть от него свою наготу, но он не обратил на это внимания. Взгляд его был направлен на рану – последствия его ярости. Генрих подошел, осторожно взял за руку, поднес к губам и поцеловал мой локоть. Я вздрогнула. Он посмотрел мне в глаза, и я не могла отвести от него взгляда. Я не могла понять, боюсь ли этого страшного человека, или мне все равно, что он со мной сделает.

Генрих забрал у меня тряпку, осторожно окунул в воду,

и начал старательно смывать следы крови. А я продолжала неподвижно стоять, не отрываясь глядя на его склоненную голову. Когда он закончил, я быстро натянула платье, и застегнула пуговицы до самого ворота.

— Анни, — тихо назвал он мое имя. Он впервые назвал меня по имени. — Я не хотел сделать тебе больно... Прости... С завтрашнего дня, ты можешь спокойно передвигаться по городу.

Он протянул мне какую-то бумагу, увенчанную пафосным гербом и чужими печатями, и вышел. Что это было? Жест проявления милосердия? Нет! Таким образом он просил у меня прощения, намекая на незаслуженно оказанное доверие. Он ушел, а я долго стояла перед дверью, не зная как его понимать...

5. Сестра

И что бы с вами ни случилось – ничего не принимайте близко к сердцу. Немногое на свете, долго бывает важным.

(Э. Ремарк «Триумфальная арка»)

На следующий день, когда Генрих с самого утра уехал по своим делам, я решила выйти в город. Я мечтала напиться неожиданной свободой. Мне было интересно, что же теперь творится в оккупированном Смоленске? Как живут люди? И самое главное – я мечтала отыскать свою сестру. Почему-то мне казалось, что я смогу найти ее в нашей квартире.

Я шла по улицам города, пряча глаза от наглых взглядов ухмыляющихся немцев. Я смотрела на людей, в оборванных одеждах, грязных, голодных, тех, кто сумел выжить после взятия города. Иногда попадались группы людей, на рукавах и спинах которых мелькали обрывки желтой ткани, изображающие звезду. Так немцы отмечали презренных своему хозяину евреев. Я шла и с ужасом вдыхала пыль и пепел оставшийся после разрушенных домов и зданий. Первым делом я отправилась на нашу квартиру, но застала там только одинокую фасадную стену, которая светилась зияющими дырами вместо окон. В том окне, что когда-то было нашим домом, я увидела обгоревший кусок занавески, которую когда-то ши-

ла наша мама. Некогда белая, с нежно пурпурными цветами, она стала словно символом позора и падения, всего того, чем прежде гордилась наша страна.

Простившись навсегда с местом, которое стало нам временным пристанищем, я направилась к госпиталю, вернее к тому месту, что прежде называлось госпиталем. После взятия города, немцы подорвали здание, где прежде мы спасали жизни, оставив только груды камней. Я обошла вокруг развалин, в страхе искусывая в кровь губы. Среди массы убитых солдат, что прежде охраняли наш госпиталь, я узнала того самого, что однажды дал мне папиросу. Узнала и того, что смущаясь и стараясь скрыть свою симпатию, часто заглядывался на мою сестру. Мы все знали о его тайной страсти, но сам он никогда в этом не признавался. Я сдерживала слезы, боясь расплакаться, и все бродила в развалинах в поисках сестры. Я боялась увидеть ее мертвой. К моему счастью, ее нигде не было.

Мне даже показалось, что дышать стало легче. Ведь если немцы поймали ее и доктора Измайлова, то вряд ли потащили бы куда-нибудь в другое место, для того чтобы убить... как я была наивна... я совсем не знала этого мира... мира нового, утопленного в крови и ненависти. Идеального мира создаваемого беспощадной рукой нацистов.

По дороге домой, я случайно столкнулась с группой людей, расчищающих дорогу. Хилые, слабые, едва живые, женщины, старики и дети, прилагая все свои силы, поднима-

ли огромные обломки разрушенных зданий и относили их в сторону. Обходя одного старика, я случайно, спиной, толкнула девушку, только склонившуюся за камнем. Она тихо ухнула и едва не упала. Я успела обернуться и поймать ее за руку. Она подняла голову и я с трудом узнала в ней Сару Измайлову. На лице Сары хранился отпечаток недавних издевательств и побоев, у края глаза четко синел свежий след от окурка, губа привспухла и кровила, а на щеке белел едва заживший шрам.

– Сара! – радостно воскликнула я, щупая ее руку.

– Анечка, – растянулась она в улыбке, хватая меня второй рукой. – Как ты, душа моя? Где ты?

Я заметила на плече у Сары отличительную эмблему, желтую звезду. Я никогда не думала о том, что она и ее семья евреи. Мне было все равно. Никто прежде не выделял их из толпы. В первую очередь, все они были – людьми. Я осторожно коснулась рукой грязной тряпки, мне так захотелось сорвать с нее этот позорный и уничтожающий знак. Но я поняла, что могу навлечь беду на нас обеих.

– Как ты живешь? – осторожно спросила я.

– Как еврейка, – с усмешкой ответила Сара и бросила злобный взгляд на прогуливающих рядом немцев.

Слезы застыли у меня в горле.

– Что они делают с вами?... разве так можно?... Сара... скажи мне, что происходит в этом мире?...

Сара притянула меня к себе и заботливо погладила по го-

лове.

– Тише... не плачь. Ты ничего не изменишь. Все уже решено. Я отстранилась от нее.

– Что решено? О чем ты говоришь? Скоро придут солдаты и они спасут вас! – с надеждой воскликнула я.

– Никто не придет, Аня. Они бежали, и говорят, что всех кто оставил Смоленск, арестовали. Возвращаться уже никому. Ты ведь помнишь, что те, кто попадает к ним, обратно не возвращаются. Все кончено, Аня. Никто не придет нас спасать. Все кончено. В Германии евреям не жить, это все знают. Надо было бежать, надо было заставить отца... чего он добился... глупец!

– Сара, отец! – вспомнила я. – Где твой отец! Когда я видела его в последний раз, Соня была с ним. Где они?

Сара посмотрела на меня взглядом, с которым мы обычно сообщали родственникам погибших дурные новости. Сердце мое похолодело и кровь, будто застыла в жилах, я крепко схватила ее за руку и затаила дыхание, ловя каждое ее слово.

– А ты разве не знаешь? – скорбно спросила она.

– Нет...

– Их убили. В тот же день, когда поймали... Мы с мамой нашли их тела у госпиталя, и отнесли на кладбище... Мы похоронили их как могли.

– Нет... Соня... – только и смогла произнести я.

Соня прижала меня к себе, и обхватила мою голову, шепча слова утешения. Но от этого не становилось легче. Рыда-

ния разрывали меня изнутри, мне хотелось кричать и рвать на себе волосы... вот почему я не нашла ее тела у развалин. Но разве могла я знать, когда оставляла ее там, что все закончится именно так. Почему немцы забрали меня? Я знала немецкий – могла пригодиться. Почему они не взяли мою сестру? Она была с евреем, не знала немецкий, и не принесла бы изуверам никакой пользы. Мне кажется они даже не разбирались, была ли она настоящей еврейкой, просто спустили курок и оборвали ее жизнь. А я... осталась теперь совсем одна... И только я виновата в ее смерти, ведь помешала ей вовремя бежать из города... я убила свою сестру. Сначала ее, а потом ту еврейскую семью. Я такой же зверь, как эти – ничем не лучше...

Тогда я думала так, и винила себя за все. Немного успокоившись, я собралась с силами и отстранилась. Сара посмотрела на меня с грустью. Но чем она могла мне помочь? Затравленная, загнанная, уничтоженная как личность. Почти животное, почти мертвец.

Пока мы разговаривали с Сарой, ко мне подошел немецкий офицер и грубо окликнул:

– Эй, ты! С евреями разговаривать запрещено! Отойди!

Но я протянула ему свой заветный документ, он бегло пробежал по тексту, затем вернул и без охоты дал нам с Сарой еще несколько минут, для того чтобы договорить. Я уже немного успокоилась и хотела узнать только одно.

– Сара, где мне найти ее?

– На еврейском кладбище, у окраины. Деревянный крест, на нем лента с ее волос. Рядом с ней – отец... Анечка, родная, ты береги себя... Может тебе удастся пережить эту войну, тогда похорони их как положено... Пусть хоть на небе они обретут покой.

На этот раз офицер не стал разговаривать со мной, он подошел к Саре и со спины грубо толкнул ее прикладом в плечо. Сара дернулась и едва не упала на меня.

– Работать! – гневно воскликнул он.

– Ступай, – прошептала мне Сара. – И пусть небеса хранят тебя!

На прощание Сара поднесла мою руку ко рту, и делая вид, что целует мою ладонь, что-то сплюнула. Когда я отошла, я разомкнула руку и увидела у себя на ладони золотой медальон. Внутри оказалась фотография Сары и ее родителей. Я сглотнула слезы и спрятала кулон в карман.

Из города, я сразу направилась на кладбище. Мне пришлось пройти несколько километров. Я стерла ноги в кровь, и едва двигалась, когда дошла до ворот закрытого города мертвых.

Прежде мне не доводилось ступать на мертвые земли. На земли, в которых покоились тела умерших людей. Оттого сердце мое забилося сильнее, когда я на дрожащих ногах шла мимо усеянного крестами поля.

Где-то вдалеке завывала собака, но я не испугалась, а упорно продолжала идти дальше. На самой окраине, в том месте,

что указала Сара, я нашла одинокий крест, на котором болталась красная лента моей сестры. Со слезами я припала к ее могиле и пролежала там несколько часов. Я плакала и просила у нее прощения. И мне хотелось умереть прямо здесь, у того самого креста, рядом со своей сестрой.

Солнце уже садилось, когда я очнулась и поняла, что мне пора возвращаться. Генрих наверняка уже вернулся, и, обнаружив мое исчезновение пришел в дикую ярость. Я шла по дороге ведущей в город, и в мыслях думала о том, что дом Генриха, в данный момент единственное место, куда я могу прийти. Во всем мире, кроме него у меня никого не осталось.

Я чувствовала себя бездомной собакой, которая не любит своего хозяина, но только за то, что он ее кормит и иногда гладит по шерсти, возвращается к его ногам. И я возвращалась к ногам того, кто так или иначе виновен в смерти моей сестры. Да, не он стрелял, но он принадлежал к тому народу. Он был моим врагом, но он же стал моим хозяином.

Когда я пришла в город, уже стемнело. Я быстро дошла до дома, и стараясь не шуметь, вошла через заднюю дверь. Но проскользнув незамеченной в свою комнату, я к своему ужасу обнаружила там Генриха. Он сидел на стуле возле окна, в руке его блестел пистолет. Едва я вошла, он поднялся и направил оружие на меня. Я замерла. Генрих тоже не шевелился.

– Где ты была? – гневно спросил он.

Я не отвечала.

Генрих шевельнул пальцем, раздался щелчок. Генрих повторил вопрос более настойчиво.

Я продолжала молчать. Я смотрела на него неподвижным взглядом, прямо в глаза, прямо в самую глубину его черной души и мысленно молила выстрелить.

Возможно тогда, он почувствовал мою решительность, и выругавшись убрал пистолет. Сделал шаг в мою сторону, занес руку и со всей силы ударил меня по лицу. Я не шевельнулась.

– Никогда больше так не делай! – рявкнул он и выскочил из моей комнаты, оттолкнув меня в сторону.

Я проводила его пустым взглядом. Когда его шаги стихли, я плотно закрыла дверь и в слезах бросилась на кровать. Я проплакала всю ночь, пытаюсь унять дрожь и боль терзающую мое сердце.

Утром я вновь проснулась раздавленной и усталой. Но собравшись с силами заставила себя подняться, умыться и пойти на кухню. С того дня, я поняла, что та часть моей прошлой жизни, в которой я умела любить и смеяться, умерла навсегда и теперь похоронена вместе с Соней, в безымянной могиле, под деревянным крестом с красной шелковой лентой.

6. Смоленское гетто

*Я только раз видала рукопашный,
Раз наяву, и тысячу – во сне.
Кто говорит, что на войне не страшно,
Тот ничего не знает о войне!*

(Ю. Друнина)

Пришла зима. Снег засыпал все улицы Смоленска, ведь природе невдомек, что идет война, она следует своим установленным правилам и законам. Как оказалось, немцы не очень-то любили зиму, что не могло не стать поводом для очередного злорадства.

Все это время, немцы продолжали отлавливать по всему городу евреев и сгонять их в гетто. Я с ужасом наблюдала за тем, как из прекрасных и образованных людей, оставшиеся и уцелевшие жители города, превращались в зверей и преступив все свои жизненные принципы, за кусок хлеба начали охотиться на ставших вдруг ненавистными евреев.

К тому времени, я уже понимала, что ничем не смогу помочь, но вопреки здравому смыслу, рискуя жизнью, я носила еду, тем несчастным, кому посчастливилось продержаться до зимы в ужасных условиях гетто. Я осознавала, что не смогу накормить всех, но мне казалось, что если я смогу помочь хотя бы одному из них, то кто-то последует моему примеру, и протянет руку помощи обреченным. Вместе мы поможем

им выжить.

Я действовала через Сару. После того случая с моим опозданием, Генрих на долгое время пропал из поля моего зрения. Или возможно я пропала. Это уже не важно, важно то, что находясь в одном доме, мы умудрялись не встречаться. Правда иногда я слышала его громкий голос, когда в наш дом приходили гости. Генрих в те моменты позволял себе выпить лишнего, и тогда они громко смеялись, когда устраивали в доме стрельбу или били посуду. По утрам, мне приходилось тратить несколько драгоценных часов, на то чтобы привести дом в привычное состояние и придать ему вид человеческого жилища.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.